

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХІВЪ

1909

6.

Стр.

161. Дѣло о тридцати шести незаконныхъ бракахъ. Изъ жизни Смоленской шляхты въ XVIII вѣкѣ. Сообщилъ **Н. Ровинскій**.
182. Письма къ **В. С. Шереметеву (1794—1796)** съ предисловіемъ **А. А. Титова**.
191. Изъ бумагъ **А. А. Васильчикова**. Разсказъ про опалу Архаровыхъ. — Екатерина Великая о Сенатѣ. Сообщила **А. А. Милорадовичъ**.
193. Записки о Крыловѣ **В. В. Каллаша** (Крыловъ о Пушкинѣ. — Любовь Крылова. — Острота Крылова.)
198. Письмо **С. А. Соболевскаго** къ **А. П. Елагиной**, со стихами.
199. Задравныя чаши. **И. М. Снѣгирева**.
204. Духовное завѣщаніе митрополита Евгенія.
207. Глушеніе надъ монахами.
208. Послѣднія отношенія Магницкаго къ Сперанскому.
212. Иннокентій и адмиралъ Лазаревъ (разсказъ **С. А. Серафимова**).
213. Греческій митрополитъ Агаангелъ.
216. Письмо **В. А. Жуковскаго** къ **Б. А. Ашику**.
217. Экспромтъ **Н. В. Кукольника**.
- Къ посмертной судьбѣ **Н. Г. Чернышевскаго**.
218. Письмо **Н. И. Мердеръ** къ издателю «Русскаго Архива» о **Н. Г. Чернышевскомъ**.
222. Общеприходскія молебствія во время холеры. **И. М. Снѣгирева**.
225. Изъ писемъ архіепископа Никанора къ **П. У. Палимпсестову**.
232. Письма архіепископа Никанора къ его викарію епископу Мемнону.
244. Изъ бумагъ **Н. Н. Новосильцева**. Сообщилъ **И. Г. Попруженко**.
272. Изъ бумагъ графа **А. П. Ожаровскаго** (Переписка съ императорами Александромъ и Николаемъ). Сообщилъ **Н. Я. Гротъ**.
282. Изъ воспоминаній князя **Д. Н. Долгорукаго** (Крымская война).
285. Изъ дневника г.-лейт. **И. Д. Попко**. Сообщилъ **С. В. Фарфоровскій**.
291. Полтавская побѣда.
296. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (**Николай Павловичъ** и князь **С. М. Голицынъ**. — Разсказы **М. Г. Черниева**. — Невзгода «Русскаго Архива». — Графъ **А. В. Адлербергъ**).
302. О пятomъ выпускѣ «Остафьевскаго Архива» (Князь и княгиня Вяземскіе). **П. Б.**
- Внутри сорочки: О книгѣ «Старица Нектарія».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

Изъ записной книжки „Русскаго Архива“.

Намъ попался въ руки листокъ, на которомъ изображенъ покойный нашъ пріятель, извѣстный библіографъ Григорій Николаевичъ Геннади. Онъ обложенъ книгами. Входитъ слуга и докладываетъ, что пріѣхали Майковъ и Полонскій. „Не надо, не надо!“, кричитъ ему Геннади: они еще не померли“. Тоже приходится отвѣчать лицамъ, доставляющимъ въ „Русскій Архивъ“ статьи, въ которыхъ разсказывается о событіяхъ недавнихъ и о лицахъ еще живущихъ. Карамзинъ говаривалъ, что исторія не любитъ живыхъ, а покойный Государь Александръ Александровичъ изволилъ однажды выразиться по поводу слуховъ о существованіи Записокъ графа А. В. Адлерберга: „Онъ ихъ не пишетъ, потому что боится сказать неполную правду“.

Ходили однако слухи про существованіе Записокъ графа Адлерберга. По кончинѣ его я спросилъ о томъ его вдову, многоуважаемую графиню Екатерину Николаевну. Въсто отвѣта она вынесла мнѣ на подносіи грудку небольшихъ рукописныхъ книжекъ, въ которыхъ много лѣтъ сряду дѣлалъ онъ выписки изъ Новаго Завета. Въ благочестіи воспитанъ онъ былъ своей матерью графиней Марьей Васильевной, рожденною Нелидовой. Да и отца его, принявшаго православіе, графа Владимира Федоровича, случалось мнѣ видать въ домовоі церкви (на „Фонтанкѣ, № 20-й“), усердно молящагося на колѣняхъ. Отъ него я слышалъ, что нѣкогда велъ и онъ свои Записки, но уже въ старости сжегъ ихъ. Его разсказы отличались точностью: „этому я самъ былъ свидѣтель, про это я только слышалъ и не ручаюсь“.

*

15 Января 1891.

М. Г. Черняевъ провелъ у меня вечеръ. Когда онъ былъ генераль-губернаторомъ въ Ташкентѣ, Бухарскій эмиръ прислалъ къ нему съ увѣдомленіемъ, что ему грозятъ Авыанцы, и что только подѣ покровительствомъ Бѣлаго Царя онъ рѣшается дѣйствовать одинъ, прося чтобы Русскіе своимъ появленіемъ подѣйствовали на Авыанцевъ. Черняевъ послалъ депешу Гирсу и Ванновскому (одна депеша стоила 400 рублей) и просилъ разрѣшенія передвинуть войска. Двѣ недѣли никакого отвѣта. Тогда Черняевъ телеграфировалъ Рихтеру съ прось-

бой доложить Государю, такъ какъ иначе онъ долженъ будетъ поступать безъ всякихъ разрѣшеній. Черезъ десять дней предложеніе Черняева относительно помощи эмиру было разрѣшено, но съ приказомъ двинуть войско только въ крайнемъ случаѣ и съ повелѣніемъ прибыть въ Петербургъ. Тутъ онъ подалъ въ отставку (назначенъ членомъ Военнаго Совѣта) и попросилъ приѣма у Государя въ Петербургѣ.

Въ приемной комнатѣ Черняевъ увидалъ бывшихъ уже у Государя Ванновскаго и своего преемника Розенбаха. Государь велъ съ нимъ долгую бесѣду. „Вы со всѣми перессорились. Вамъ оставаться тамъ нельзя“. Когда Черняевъ сказалъ, что власти царской совѣтъ не существуетъ, Государь не прогнѣвался, а спросилъ: Да гдѣ же она?—У начальниковъ канцелярій.—Какъ такъ?—Черняевъ доказалъ ему, что и министерская власть погибла и что министры составляютъ доклады по свѣдѣніямъ представляемымъ мелкими чинами.—Мимоходомъ Черняевъ сказалъ, что еще недавно Ванновскій по какому-то дѣлу совершенно спокойно выразился на замѣчаніе Черняева, что воля Государя такова: „А развѣ онъ можетъ это сдѣлать?“ Тутъ Государь страшно поблѣднѣлъ, началъ тяжело ходить по комнатѣ и, успокоившись, сказалъ: „Да! Это значить, что они тамъ предварительно совѣщаются.“—Государь предложилъ Черняеву пробѣжаться за границу. Черняевъ отвѣчалъ: Теперь зима, мнѣ тамъ нечего дѣлать, да и въ Европѣ мое появленіе будутъ дурно толковать. Въ теченіи мѣсяца его приглашали на балы и придворныя собранія, и Государь выражалъ ему милость. За тѣмъ онъ уѣхалъ въ кругосвѣтное плаваніе и чрезъ Владивостокъ и всю Сибирь возвратился въ Россію.

Отецъ князей***, старшаго Владимира, Дмитрія и Николая, бѣдный мятежникъ-Полякъ послѣ неудачъ въ Алжирѣ, черезъ посредство нашего посланника въ Парижѣ Н. Д. Киселева, обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича, получилъ пенсію и сталъ хлопотать о княжескомъ яко бы потомственномъ своемъ достоинствѣ. Черняевъ помнитъ, какъ на Кавказѣ (гдѣ онъ былъ квартирмейстеромъ), пришелъ къ нему для объявленія сенатскій указъ, повелѣвавшій отцу*** и его сыновьямъ не употреблять княжескаго титула, такъ какъ документы, ими поданные, не достаточны. Князь Барятинскій*), за ужиномъ у одного изъ нихъ, при многихъ сказалъ: „Ничего; я напишу Государю, и вѣроятно вы останетесь князьями.“

*

Ноябрьскій выпускъ „Русскаго Архива“ 1870 года былъ задержанъ Московскою цензурою и пролежалъ въ ея складахъ до Марта мѣсяца 1871 года. Въ этомъ выпускѣ была помѣщена знаменитая записка Карамзина о Россіи 1811 года (до того небольшія выдержки изъ нея появились у Пушкина въ его „Современникѣ“, и она была извѣ-

*) Отъ В. А. Кузнецова слышалъ я, что князь Барятинскій осуждалъ Скобелева за то, что онъ не занялъ Константинополя. „Онъ подлежалъ бы за это военному суду, но тутъ всякія кандалы обратились бы въ лавры“.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

11.

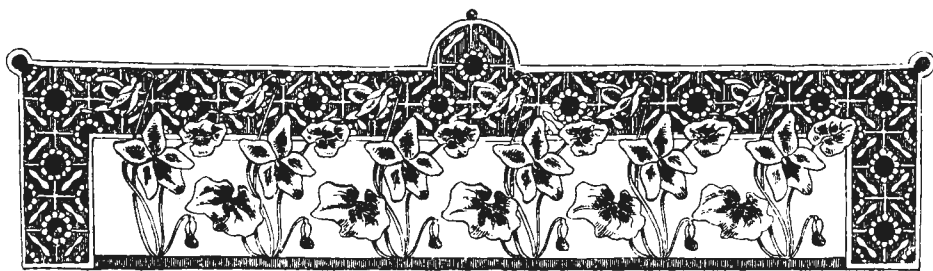
Стр.

193. Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. 1654 г. (Князь М. П. Пронскій).
197. Письма изъ Парижа о Россіи во времена былыя.
202. Запись современника о кончинѣ Екатерины Великой. Р. С. Трофимовича.
204. Изъ разсказовъ А. И. Васильчиковой (Пріѣздъ Александры Ѳеодоровны Первой.—Кончина Маріи Ѳеодоровны Первой).
208. Забытыя первыя жертвы Коканскаго похода. Изъ записокъ Н. Н. Трионова (Сообщено полковникомъ Фонъ-Дрейеромъ).
216. Императоръ Александръ Третій и М. Г. Черняевъ. (Запись А. М. Черняевой).
222. Двѣ замѣтки къ сочиненіямъ Пушкина («Скупой Рыцарь» и «Мѣдный Всадникъ»). А. Н. Сиротинина.
237. Изъ семейной драмы Пушкина. Н. О. Лернера.
241. Изъ портфеля стараго журналиста. Письма къ Ф. А. Кони: Нольцова, Струйскаго, Н. А. Полеваго, Григоровича, А. Григорьева, Полонскаго, Майнова, Толбина, Берга, гр. Растоячиной, Крешева, Загоскина, кн. Кугушева, Никитина, Толстаго. Съ предисловіемъ А. Ф. Кони.
273. Вѣра Молчальница. Отца Николая Грузинскаго.
294. Къ біографіи Н. К. Кетчера. Его опредѣленіе врачей въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.
286. Воспоминанія Е. И. Сѣдкова. Сообщены И. В. Помяловскимъ.
319. Дополненіе къ статьѣ о Е. И. Бутягиной. Н. А. Губастова.
321. Изъ дневника генералъ-лейтенанта И. Д. Попко.
340. Памяти покойнаго Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича. С. П. Бартенева.
347. Къ двухсотлѣтнюю памяти Святаго Димитрія Ростовскаго (Его дневникъ).
349. Чья это кисть? Замѣтка П. А. Россѣева (объ иконѣ Распятія въ селѣ Вытздномъ).
- 351 и 352. Некрологи: А. А. Половцевъ и Протоіерей С. И. Поповъ. Внутрія сорочки: объ Академическомъ изданіи сочиненій Кольцова.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ и М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ*).

Отозваніе М. Г. Черняева изъ Туркестана въ 1883 году и послѣдовавшее затѣмъ зачисленіе его въ Военный Совѣтъ было для него полною неожиданностію.

Назначенный въ Ташкентъ по личному выбору Государя въ Маѣ 1882 г., окрыленный его милостивымъ вниманіемъ, Михаилъ Григорьевичъ отправился туда, намѣреваясь привести въ исполненіе высказанное ему при прощаніи державное предначертаніе, чтобы богатѣйшій „этотъ край былъ не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу“. При твердо-сложившейся въ умѣ его системѣ касательно внутренняго управленія краемъ и внѣшнихъ сношеній съ сосѣдями, то есть Англичанами, онъ собирался ввести рядъ административныхъ реформъ въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, которыми такъ неудачно, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, управлялъ его предшественникъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ.

Во время завоеванія Средней Азіи, Англійское правительство съ ревнивымъ недоброжелательствомъ слѣдило за успѣхами Русскаго оружія. Оцѣнивъ гористое, выгодное въ военномъ отношеніи положеніе Афганистана и считая его ключемъ къ Индіи, Англія, подъ предлогомъ необходимости успокоенія взволнованнаго у нея общественнаго мнѣнія, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Кларендона, предложила въ 1869 г. установить въ Азіи, между владѣніями обоихъ государствъ, нейтральную полосу.

Князь Горчаковъ, мнимые дипломатическіе таланты коего такъ долго превозносились и впервые обнаружены въ ихъ истинномъ свѣтѣ Бисмаркомъ въ его перепискѣ²⁾, посѣщилъ изъяснить плану Англичанъ свое полное одобреніе.

¹⁾ Написано въ дополненіе и въ поправку напечатаннаго въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. Б.

²⁾ Переписка эта появилась въ печати по смерти князя Бисмарка.

„Со своей стороны“, писалъ нашъ канцлеръ, „мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи, и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу; но что можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе“. Последствія показали, какъ было наивно это трогательное довѣріе.

Въ заключеніе, Англійскому правительству черезъ барона Брунова подтверждалось „положительное увѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе и что никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія“.

Несмотря на то, что наша дипломатія всячески подтверждала передъ Англійскимъ правительствомъ полную неприкосновенность Россіи къ Афганистану, лордъ Кларендонъ, при свиданіи своемъ съ княземъ Горчаковымъ, въ Гейдельбергѣ, настаивалъ на необходимости признанія этого государства разграничительной полосой между Россіею и Англіей. Три года до этого свиданія, маленькая экспедиція подъ начальствомъ полковника М. Г. Черняева, предназначавшаяся для соединенія нашихъ передовыхъ укрѣпленій, неожиданно завершилась покореніемъ Средне-азиатской столицы, вопреки офиціальному предписанію военнаго министра „не отваживаться на штурмъ въ виду недостаточности военныхъ силъ“. Но взятіе Ташкента было логической необходимостью, упрочившею наше положеніе въ Средней Азіи „согласно силѣ и могуществу Россіи“, какъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ Михаилъ Григорьевичъ. Эти военные успѣхи произвели сильное впечатлѣніе не только у насъ, но и въ Европѣ и встревожили Англію, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ лордъ Кларендонъ въ Гейдельбергѣ при свиданіи съ кн. Горчаковымъ, не могъ воздержаться, очевидно намекая на Ташкентъ, отъ того, чтобы не критиковать нашихъ военачальниковъ въ отдаленныхъ краяхъ, и указывалъ на ихъ безмѣрное якобы честолюбіе. Въ отвѣтъ на это князь Горчаковъ, осудивъ дѣйствія М. Г. Черняева, поспѣшилъ успокоить представителя Англіи тѣмъ, что назначеніе генераль-губернаторомъ Кауфмана устраиваетъ эти опасенія *).

Дѣйствительно. къ концу пятнадцатилѣтія его управленія краемъ Англичане поставили Афганистанъ въ полную вассальную отъ себя зависимость. а Гератъ обратили въ первоклассную крѣпостную твердыню противъ Россіи.

*) Смори Татищева „Императоръ Александръ Второй“.

Вторичное появленіе Михаила Григорьевича въ тѣхъ краяхъ, уже въ качествѣ ген.-губернатора, въ 1882 г. пришлось Англичанамъ крайне не по вкусу. Они пустили въ ходъ тайную интригу, воспользовавшись запуганностью нашей дипломатіи, которая со временъ князя Горчакова находилась въ постоянномъ опасеніи военнаго столкновенія съ Англіей въ Средней Азіи.

Бухарскій эмиръ, нынѣ покойный, былъ постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Афганцами, которые вздумали даже занять небольшую область въ горахъ, хотя номинально, но числившуюся принадлежностью Бухары (Бухарскій эмиръ отъ себя назначалъ туда бековъ). Во время этой размолвки съ Афганцами Бухарскій эмиръ обратился къ М. Г. Черняеву за совѣтомъ и содѣйствіемъ. М. Г. рѣшился не вмѣшиваться непосредственно въ эту распрю, но воспользоваться ею въ интересахъ Россіи, оказавъ содѣйствіе Бухарскому эмиру выдачею ружей его войскамъ и демонстративнымъ движеніемъ нашего отряда на границу его ханства, дабы показать этимъ лишь готовность поддержать Бухару, какъ сосѣднее и дружественное государство, находившееся въ сферѣ нашего вліянія. Но такъ какъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія изъ Петербурга было нельзя, то М. Г. послалъ военному министру П. С. Ванновскому длинную телеграмму (стоившую около пяти сотъ рублей). Проходитъ двѣ недѣли, отвѣта изъ Петербурга все нѣтъ. Между тѣмъ Бухарское посольство, присланное по этому дѣлу въ Ташкентъ, томится въ ожиданіи. „Тогда, повѣствуетъ Михаилъ Григорьевичъ, я послалъ телеграмму г.-адъютанту О. Б. Рихтеру, въ которой высказалъ сожалѣніе, что такъ долго не получаю отвѣта по столь важному моему запросу. На слѣдующій же день я получилъ отъ военнаго министра отвѣтъ, что Государю Императору благоугодно было одобрить всѣ мои предположенія, что онъ разрѣшаетъ мнѣ выдать нѣсколько сотъ ружей Бухарцамъ и выдвинуть наблюдательный отрядъ“.

„При такомъ отвѣтѣ, я счелъ себя въ полной силѣ, какъ вдругъ, спустя нѣсколько дней, получаю отъ военнаго министра приглашеніе явиться въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи по преобразованію управленія Туркестанскимъ краемъ, при чемъ было даже указано, чтобы я взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, которыя я еще не успѣлъ отослать въ Петербургъ. Мысль о томъ, что этой телеграммой меня отзываютъ съ моего поста не приходила мнѣ въ голову. Я быстро собрался и не простился какъ слѣдуетъ ни съ кѣмъ, взявъ изъ своихъ вещей только необходимое. Лишь въ Петербургѣ, на пути съ желѣзной дороги, одно изъ встрѣтившихъ меня лицъ сообщило мнѣ

извѣстіе, что меня смѣняютъ. Являюсь къ военному министру. „Я долженъ сообщить вамъ непріятную вамъ новость: вы назначаетесь членомъ Военнаго Совѣта“, такъ встрѣтилъ меня Ванновскій. Кажется, онъ рассчитывалъ, что я при моемъ характерѣ вспылю, но предупрежденный наканунѣ, я спокойно отвѣчалъ: „если на то воля Государя, то я безропотно ей покоряюсь“.

Вскорѣ затѣмъ на высочайшемъ приѣмѣ Михаилъ Григорьевичъ былъ принятъ не въ обычный для этого день и полтора часа провелъ съ глазу на глазъ съ Государемъ. Излагая смѣло свои взгляды, онъ говорилъ о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, о томъ, что принимаемыми мѣрами министръ финансовъ не выведетъ Россіи изъ переживаемаго кризиса. На это Государь отвѣтствовалъ, что въ настоящее время вся Европа переживаетъ коммерческій кризисъ. Возраженіе Михаила Григорьевича на слова Государя Императора состояло въ томъ, что производительныя средства Европы значительно истощены, тогда какъ въ Россіи многія богатства, которыми слѣдовало бы воспользоваться, лежатъ еще втунѣ.

Онъ говорилъ также Государю о недовольствѣ войскъ матеріальнымъ положеніемъ. Со временъ императора Александра I-го, всѣ государи начинали свое царствованіе тѣмъ, что увеличивали содержаніе офицеровъ арміи и гвардіи. Такъ какъ царствованія продолжаются отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ и болѣе, а въ такой періодъ времени дороговизна на все увеличивается, и деньги все падаютъ въ цѣнѣ, то является настоятельная необходимость увеличивать жалованье, тѣмъ болѣе, что, при кратковременныхъ срокахъ службы для солдатъ, при переѣмѣхъ въ личномъ составѣ войска чуть ли не каждые три года, единственный кадръ арміи составляютъ офицеры, а потому привязать ихъ къ службѣ крайне необходимо.

На возраженіе Государя о томъ, что имъ была дана прибавка во время коронаціи, Черняевъ отвѣтствовалъ, что увеличеніе жалованья на восемь рублей въ мѣсяцъ мало, особенно при различныхъ сдѣланныхъ въ офицерскомъ быту стѣсненіяхъ.

Убѣжденный монархистъ, онъ поставилъ на видъ Государю, что его самодержавная власть не есть власть дѣйствительная, которая въ сущности находится у министровъ, но и у нихъ часто спускается до столоначальниковъ. Въ подтвержденіе того, какими мелочами утруждаютъ Государя Императора, онъ привелъ слѣдующій фактъ: двойныя прогонныя деньги, по случаю его проѣзда изъ Ташкента черезъ Астра-

ханъ въ Москву, на коронацію, были ему выданы только съ высочайшаго разрѣшенія.

Въ первый прїѣздъ свой по назначеніи ген.-губернаторомъ изъ Ташкента въ Петербургъ, въ 1883 г., онъ докладывалъ Государю свое мнѣніе о необходимости уравнивать Туркестанскія войска по содержанію съ гражданскимъ вѣдомствомъ въ краѣ, на что Государь согласился. Когда разговоръ по этому дѣлу произошелъ у Михаила Григорьевича съ Ванновскимъ, сей послѣдній возразилъ ему: „да развѣ Государь можетъ самъ рѣшать такія дѣла?“ Этотъ эпизодъ изъ своей служебной практики былъ также приведенъ Михайломъ Григорьевичемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о власти въ Россіи.

Выслушавъ это, Государь поблѣднѣлъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ: „Вамъ отвѣчали такъ, потому что прежде доклада мнѣ дѣла этого рода обсуждаются въ комиссіяхъ и комитетахъ“¹⁾.

Послѣ пріема, длившагося часа полтора, Государь, отпуская М. Г., сказалъ: „У васъ неладныя отношенія съ военнымъ министромъ²⁾ и со штабомъ. Подождите нѣкоторое время, я вамъ дамъ назначеніе, а теперь побудьте въ Военномъ Совѣтѣ“.

На слова М. Г. о томъ, что такое внезапное отозваніе его изъ Туркестана можетъ быть истолковано въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ общественнымъ мнѣніемъ Государь отвѣтствовалъ: „этого вамъ нечего бояться, васъ знаетъ вся Россія“.

Оставаться въ Петербургѣ и присутствовать на засѣданіяхъ Военнаго Совѣта, въ которомъ былъ военный министръ, было для Михаила Григорьевича слишкомъ тяжело. Поэтому онъ обратился въ концѣ вышеописанной аудіенціи къ Государю съ просьбой или отпустить его на жительство въ Москву, гдѣ въ то время находилось его семейство, или разрѣшить подать ему въ отставку. „Нѣтъ, зачѣмъ же въ отставку, сказалъ на это Государь: живите, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе“.

Для подтвержденія того, что отозваніе его изъ Ташкента не было выраженіемъ немилости, онъ былъ приглашаемъ на всѣ высочайшіе балы, пока не уѣхалъ въ Москву.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Бездѣйствіе и тяжесть пережитыхъ событій угнетали его. Такое состояніе духа требовало перемѣны впечатлѣній.

¹⁾ Мнѣ Черняевъ передавалъ, что когда Государь молча и отирая потъ съ чела ходилъ по комнатѣ, ему Черняеву было тяжелѣе, нежели въ сраженіяхъ. П. Б.

²⁾ Интрига противъ М. Г. велась съ самаго его назначенія. По прїѣздѣ же его въ Петербургъ, въ Петербургѣ ходили слухи, что Ванновскій говорилъ Государю, что если М. Г. останется въ Ташкентѣ, самъ онъ подастъ въ отставку.

Среднюю Европу онъ всю уже объѣздилъ, а послѣ Сербской войны, когда ему былъ воспрещенъ вѣздъ въ Россію, вплоть до объявленія Русско-Турецкой войны, посѣтилъ также и Англію. Востокъ, Японія и Китай, роль которыхъ онъ предвидѣлъ въ будущемъ, очень интересовали его, и съ цѣлью ихъ изученія онъ отпросился въ заграничный отпускъ, всемилостивѣйше ему разрѣшенный.

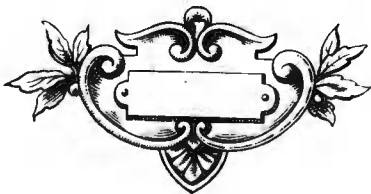
Обозрѣвъ подробно Римъ, гдѣ древность классическаго и христіанскаго міра приводила его въ восхищеніе, онъ отплылъ изъ Неаполя на пароходѣ общества *Messagerie Maritime* черезъ Суэцкій каналъ и Красное море, посѣтивъ по дорогѣ портовые города Индіи и Индо-китая, въ Японію, гдѣ правительство принимало его какъ почетнаго гостя, а микадо прислалъ звѣзду ордена Восходящаго Солнца. Обративъ особенное вниманіе на военное дѣло при обозрѣніи Японскихъ арсеналовъ и доковъ, онъ предрекъ этому государству роль восточной Англіи.

Вернувшись обратно въ Москву черезъ Сибирь (онъ проѣхалъ отъ Владивостока до Урала) онъ оставилъ описаніе своего путешествія черезъ великій Сибирскій путь.

Въ Военномъ Совѣтѣ*) онъ такъ и не былъ ни разу.

Въ заключеніе прибавимъ, что, по отозваніи его изъ Ташкента, Афганцы, подстрекаемые Англичанами, тотчасъ же прекратили свои враждебныя дѣйствія противъ Бухарцевъ.

Антонина Черняева.

*) Военный Совѣтъ онъ считалъ неудачнымъ учрежденіемъ бывшаго при государѣ Николаѣ Павловичѣ военнаго министра князя Чернышова, придумавшаго этимъ способъ самостоятельно править дѣлами, отвѣтственность же за неудачи слагать на Военный Совѣтъ, состоявшій изъ подчиненныхъ ему лицъ, которые не могутъ слишкомъ рѣзко возставать противъ предлагаемыхъ начальникомъ мѣръ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

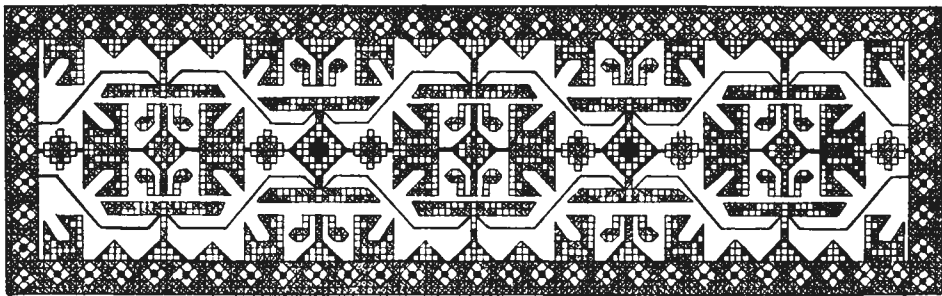
1909

12.

Стр.

353. Станиславъ-Августъ Понятовскій (по его неизданнымъ Запискамъ). Его избраніе на престолъ Польскій. Статья С. М. Горяинова.
421. Письмо князя А. А. Вяземскаго къ коменданту Динабургской крепости Виганту о государственномъ преступникѣ Идѣ Алексѣевѣ.
423. Императрица Елисавета Алексѣевна по ея письмамъ къ матери.
439. Изъ Дневника ген.-лейт. И. Д. Попка. Ноябрь и Декабрь 1854 года.
455. 1812-й годъ. Сожженіе Москвы. Показанія очевидца, протоіерей І. С. Мошкова (сообщено И. М. Діомидовымъ).
464. Два Французскихъ письма князя П. А. Вяземскаго.
469. Записки студента Казанскаго Университета (1851—1855) Н. Н. Овсянникова.
519. Графъ Бланжіа у Орловскаго помѣщика Д. В. Юрасовскаго (сообщено Д. Н. Грабовскимъ).
520. Письмо актера Шушерина къ С. Т. Аксакову (Сообщено И. С. Аксаковымъ).
521. Къ біографіи С. И. Соловьева. Извлечено изъ архива Московскаго Коммерческаго Училища Д. В. Цѣтаевымъ.
525. О М. Г. Черняевѣ (Изъ письма его дочери къ издателю «Русскаго Архива»).
528. Гимнъ: «Боже, Царя храни!» Изъ рассказовъ А. П. Петерсона. Внутри сорочки: О новомъ выпускѣ «Русскихъ портретовъ», изданія Великаго Князя Николая Михайловича.—Г. В. Генсъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

О М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

Изъ письма его дочери къ издателю „Русскаго Архива“.

Вы сообщаете мнѣ, что вами получена статья, опровергающая заслуги отца моего въ Туркестанѣ. Покореніе этого края на мѣдные гроши отрядомъ въ двѣ тысячи человѣкъ, при убогомъ оружіи, настолько выдающееся дѣло въ отечественной исторіи, что опровергать заслуги этого подвига возможно только для личной желчной зависти и мести, не улегшихся и по десятилѣтіи съ кончины отца моего. Въ журналѣ, носящемъ названіе „Образованіе“, но совсѣмъ его не дающемъ, появилась въ этомъ году статья, продиктованная подобными чувствами, нѣкоего Григорія Градовскаго. Отецъ мой былъ человѣкомъ здраваго смысла, широкаго размаха, смѣлости, умѣвшій предвидѣть историческое будущее и далеко глядѣвшій впередъ, врагъ мелочности и пошлости. Все это создало ему множество недоброжелателей среди бюрократіи гражданской и военной (Генеральный Штабъ). Таковыми были всѣ военные министры, начиная съ Милютина. Военные писатели до сихъ поръ не приступали къ описанію его похода въ Среднюю Азію, заслуги его всячески умаляются людьми этого пошиба и старательно замалчиваются. „Вашъ мужъ ничего не сдѣлалъ, что такое Ташкентъ!“ сказалъ Куропаткинъ моей матери тотчасъ по смерти отца моего. Но какъ человѣкъ хитрый и умный, онъ счелъ нужнымъ послать съ серебрянымъ вѣнкомъ на могилу отца моего депутацію отъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ лицѣ генерала Мальцова и полковника Розеншильда-Паулина. Однако надпись на немъ („Русскому Герою“) была придумана въ такомъ духѣ, что могла относиться и ко всякому храброму рядовому, какъ и къ покорителю Туркестана.

Нынѣ въ Ташкентѣ воздвигается памятникъ Кауфману, уже третій по счету. Проектированъ онъ былъ генер.-губ. Туркестана Гродековымъ, служившимъ съ малыхъ чиновъ въ Туркестанѣ и выдвинувшимся при начальствѣ необыкновенною смѣтливостью и исполнительностью (при себѣ онъ носилъ всегда памятную книжку, въ которую записывалъ всякое распоряженіе началь-

ника). Отъ отца моего я слышала слѣдующее о немъ повѣствованіе. Когда отецъ мой, будучи генераль-губернаторомъ Туркестана, въ 1882 г. поѣхалъ на коронацію въ Москву, онъ оставилъ своимъ замѣстителемъ Гродекова. Въ Ташкентѣ въ то время появилась холера, доктора приказали хоронить холерныхъ отдѣльно и засыпать могилы ихъ известью. Фанатичные мусульмане были оскорблены этимъ распоряженіемъ, и представители ихъ, почтенные, съдовласые муллы и старѣйшины, пришли къ Гродекову изложить ему о волненіи среди населенія и переговорить о способахъ успокоенія. Гродековъ, выйдя къ нимъ, не нашелъ ничего лучшаго какъ съ окрикомъ схватить одного изъ депутатовъ за сѣдую бороду, что считается у нихъ высшимъ оскорбленіемъ; тѣ съ крикомъ выбѣжали на площадь, на базарѣ произошло волненіе и шумъ, на что Гродековъ отвѣчалъ разстрѣломъ мирныхъ и безоружныхъ жителей. Отецъ мой не говорилъ мнѣ, какъ онъ отнесся къ дѣйствіямъ Гродекова по своему возвращенію; но я думаю, что вѣроятно не похвалилъ его. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и вотъ три года тому назадъ я читаю на одной изъ послѣднихъ страницъ „Новаго Времени“ объявленіе о конкурсѣ Академіи Художествъ отъ имени тогдашняго генераль-губернатора Туркестана Гродекова на составленіе проекта памятника генераль-адъютанту Кауфману, „*устроителю и покорителю Туркестанскаго Края*“. У подножія большой, бронзовой фигуры предполагалось расположить бюсты Черняева, Скобелева, Колпаковского и Абрамова. Я послѣ этого чтенія не могла ни успокоиться, ни примириться съ подобнымъ возмутительнымъ искаженіемъ истины. Князь Мещерскій по просьбѣ моей и частію со словъ моихъ помѣстилъ статью въ „Гражданинѣ“, протестующую противъ подобнаго памятника. То же сдѣлалъ по просьбѣ моей и А. С. Суворинъ въ одномъ изъ „Маленькихъ Писемъ“ своихъ. Одновременно съ появленіемъ этихъ двухъ статей мать моя обратилась къ барону Фредериксу, министру двора, съ просьбой довести это до свѣдѣнія Государя Императора и вскорѣ получила отъ него увѣдомленіе, что Государю благоугодно было не одобрить памятникъ въ проектированномъ видѣ. Такимъ образомъ имена, любимыя Русскимъ народомъ, избѣгли униженія очутиться у подножія представителя Нѣмецкой ограниченности. Хотя отвѣтъ Фредерикса касался только отца моего, но предполагаю, что и Скобелеву не подобаетъ стоять у ногъ Кауфмана, не смотря на то, что въ молодости онъ совершалъ походъ подъ начальствомъ Кауфмана. Отецъ мой послѣ покоренія Ташкента жилъ въ землянкѣ и управлялъ только что замирившимся краемъ при помощи шести чиновниковъ и двухъ переводчиковъ. Кауфманъ былъ обставленъ царскою роскошью, завелъ многочисленную администрацію и сыпалъ безъ счету казенныя деньги въ краѣ. Для генераль-губернатора имъ былъ построенъ обширный домъ съ зимнимъ садомъ, съ двумя огромными, какъ во дворцѣ, залами. Евг. Марковъ въ своей книгѣ „Россія въ Средней Азіи“ упоминаетъ о томъ, что Кауфманомъ былъ построенъ возлѣ Ташкента огромный караванъ-сарай, стоившій около двухъ милліоновъ, гдѣ никогда не останавливалось ни одного верблюда. Имъ же была затѣяна постройка большого (тоже, если не ошибаюсь, милліонной цѣны), конскаго завода и тоже брошеннаго, потому что искони

въ этомъ краю лошади отличаются выдающимися качествами. Это бросанье зря пригоршнями казенныхъ денегъ создало Кауфману среди мѣстнаго чиновничества особую популярность, и онъ былъ произведенъ ими въ „покорители и устроители края“, какъ предполагается начертать на памятникѣ. Государь Александръ III былъ другого о немъ мнѣнія, потому что, отправляя отца моего на генераль-губернаторство въ Туркестанъ въ 1882 г., предписалъ ему дѣйствовать такъ, чтобы „край этотъ былъ не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу“. Отецъ мой, если не ошибаюсь, по пріѣздѣ своемъ принялся за сокращеніе ненужныхъ и не производительныхъ штатовъ, что создало въ средѣ уволенныхъ немало недовольныхъ. Когда я была еще дѣвочкой-подросткомъ, отецъ мой имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать со мною или скорѣе излагать свои мысли въ моемъ присутствіи. Вспоминая о походѣ Кауфмана въ Хиву, онъ не иначе называлъ его, какъ походомъ гимназиста четвертаго класса, пустившагося въ степь безъ проводниковъ, совершенно очертя голову и едва не уморившаго весь отрядъ жаждою, ибо въ степи необходимы проводники для указанія пути и мѣстонахожденія колодезѣ.

Таковъ былъ Кауфманъ какъ администраторъ и военный. Для характеристики его личности приведу слѣдующее. Въ 1875 г. отецъ мой издавалъ „Русскій Міръ“ и помѣстилъ тамъ статью, критикующую управленіе Кауфмана. Въ отместку за это имъ былъ сдѣланъ на отца моего начетъ въ 5 т. р. черезъ 10 лѣтъ послѣ покоренія Ташкента. Полиція приступила было уже къ описи редакціоннаго имущества, и только благодаря Трепову это было остановлено. Онъ предложилъ отцу моему написать официальную бумагу въ Туркестанъ, въ которой онъ говорилъ, что не можетъ помнить за десятилѣтнею давностію о своихъ тогдашнихъ расходахъ и предлагаетъ въ возмѣщеніе ихъ свою пенсію, присовокупляя при этомъ, что ему останется утѣшеніе, что покореніе Ташкента совершено имъ на свои средства. Это и было принято, и вычетъ производился вплоть до вступленія на престолъ императора Александра III-го, который, узнавъ объ этомъ, сказалъ Гейдену: „прекратить эту мерзость противъ Черняева“. Слова эти были лично переданы графомъ отцу моему. Нынѣ Кауфманъ покоится подъ прекрасной каменной гробницей въ Ташкентскомъ соборѣ, по описанію Евг. Маркова, строившагося много лѣтъ при жизни его и едва доведеннаго до конца по случаю хищеній, произведенныхъ при его постройкѣ. На одной изъ Ташкентскихъ площадей красуется каменный постаментъ, украшенный бронзовыми знаменами и пушками въ память Кауфмана; нынѣ воздвигается ему еще памятникъ въ грандіозныхъ уже размѣрахъ. Когда отецъ мой былъ генераль-губернаторомъ въ Ташкентѣ въ 80-хъ годахъ, онъ поручилъ Микѣшину составить проектъ памятника воинамъ, павшимъ при взятіи Ташкента. Прекрасный проектъ его былъ высочайше утвержденъ, но отецъ мой внезапно былъ отозванъ. Памятникъ долженъ былъ изобразить: высокій пьедесталъ изъ камня, на которомъ, въ формѣ пирамиды стоямя, возвышались жерла пушекъ; на вершину ихъ взобрался солдатъ, водружающій Русское знамя. вмѣсто этого величественнаго памятника изъ камня и металла, въ городскомъ

саду красуется гипсовый солдатъ со знаменемъ, взлѣзшій на грудь наваленныхъ кирпичей. Эта бутафорія замѣнила высочайше утвержденный Микѣшинскій проектъ.

Присѣшники Кауфмана и недруги отца моего внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что пишется о прошломъ Туркестана. Два года тому назадъ появилась въ „Гражданинѣ“ статья князя Мещерскаго по поводу нынѣ возводимого памятника Кауфману, и тотчасъ же появилось опроверженіе съ придиркою къ слову дворецъ, которымъ княземъ Мещерскимъ было названо обиталище Туркестанскаго генераль-губернатора, построенное Кауфманомъ, и указаніе на то, что въ Ташкентѣ существуетъ памятникъ павшимъ героямъ Ташкента, тогда какъ такового на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а сдѣлана только жалкая на него пародія.

Надѣюсь, что со временемъ (хотя увы! еще не скоро) исторія изслѣдуетъ прошлое Туркестана и воздастъ каждому по заслугамъ его; но какъ остороженъ долженъ быть изслѣдователь, чтобы избѣжать искаженія и разобраться въ противорѣчіяхъ.

Антонина Черняева.

Г И М Н Ъ „Б О Ж Е, Ц А Р Я Х Р А Н И!“

Изъ разсказовъ А. П. Петерсона *)

Вотъ, можетъ быть, разгадка, почему Николай Павловичъ не далъ словъ: „Боже, Царя храни“ въ гербъ Жуковскому. Его Величество обращалъ щекотливое вниманіе и на гербы. Генералу Оедорову, исправлявшему должность генераль-губернатора Новороссійскаго (за отъѣздомъ князя Воронцова на Кавказъ), онъ запретилъ имѣть *солдата* съ ружьемъ въ гербѣ и велѣлъ подождать, пока онъ его ему справить, прибавляя, что казакъ съ пикой въ гербъ Орлову-Денисову данъ какъ особенное отличіе по заслугѣ. Флота капитану Казарскому, за извѣстный его подвигъ, Николай Павловичъ пожаловалъ *пистолетъ* въ его гербъ. Народную пѣснь Жуковскаго: „Боже, Царя храни“ онъ хотѣлъ знать народною, а гимнъ: „Боже, Царя храни“ (при Александрѣ I-мъ написанный) назвалъ размазною Жуковскаго, какъ разсказывалъ мнѣ Николай Дмитріевичъ Киселевъ (братъ графа), а однажды Жуковский самъ отперся отъ этой „народной“ пѣсни своей, возражая Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ:—„Милая, какая же это моя пѣсня? Она народная!“ А народъ ничего не зналъ про нее. Львовъ—другое дѣло: онъ положилъ слова на ноты: ему и дано за музыку.

*) Александръ Петровичъ Петерсонъ († 1890), братъ Анны Петровны Зонтагъ и Авдотьи Петровны Елагинной, былъ человекъ большого ума, разносторонняго образованія и наблюдательности. Въ Дерптскомъ университетѣ онъ былъ товарищемъ Н. М. Языкова и Н. Д. Киселева. П. Б.

себя комитетъ для наблюденія за цѣлостью предназначенныхъ для нея предметовъ, обратились съ просьбою ко всѣмъ владѣльцамъ историко-археологическихъ и художественныхъ собраній прислать ихъ на выставку. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ откликнулись очень многіе, и въ залахъ «Пріота старцевъ и калѣкъ», гдѣ помѣстилась выставка, въ настоящее время собраны многія цѣнныя произведенія науки и искусства. Отмѣтимъ наиболѣе выдающіеся изъ нихъ. По живописи: картины—П. К. Айвазовскаго, Фанъ-деръ-Верфа († 1722) Рибера (1588—1659), Тевьера мл. († 1685), Ф. Цинка, Я. Суходольскаго, Змлера, профессора В. Герсона, Дукшта-Дукшинской († 1897) Лампп (1751—1830), Ф. Жмурко и др., рисунки Бачіарелли (1731—1818), Орловскаго (1777—1832), Каневскаго (1809—1869), Яна Матейко († 1893), Артура Гротгера († 1868), Брандта, Герсона и Ф. Костржевскаго; гравюры и эстампы: Чемесова († 1765), ак. Л. А. Сѣрякова († 1881), профессора П. П. Пожалостина и др. По библиографіи: нѣсколько цѣнныхъ изданій изъ библіотеки Г. А. Воробьева («*Ethimolog. libri XX*» Псидора Иеналійскаго, ed. 1472 г., «*De occulta philosophia*» Г.—К. Агриппы, 1533, *Hist. delle vite de sommi pontefici*—В. Платины 1608, коллекція эльзевировъ и др.), молитвенникъ королевы Маріи-Людвиги, собраніе древнихъ географическихъ картъ и изданій XVII ст. (г. Цаберта), разные документы, съ автографами коронованныхъ особъ и государственныхъ людей: Стефана Баторія, Владислава IV, Яна-Казимира, Станислава-Августа Понятовскаго, Наполеона I, Андрея Замойскаго, собственноручныя письма королевы Маріи-Казиміры и короля Станислава-Августа. По археологіи: значительная часть коллекціи ископаемыхъ предметовъ каменнаго вѣка извѣстнаго археолога Ф. К. Тарчинскаго изъ Плоцка, богатая коллекція такихъ же предметовъ гр. де-Флери, каменные ядра, найденныя на днѣ Нарева въ предѣлахъ Ломжинской губерніи, С. Глогера; нумизматическія собранія Соколовскаго (монеты польскія съ 980 г. по 1775 г.), Рудскаго (тоже XVIII—XIX ст.), К. Вашкевича и Ф. Тушовскаго, сорокъ снимковъ съ разныхъ историческихъ памятниковъ плоцкомазовецкой земли (козелы, замки, синагоги, утварь и въ томъ числѣ оттискъ печати города Плоцка 1781 г.), доставленныхъ Г. А. Воробьевымъ; древняя икона Божіей Матери, найденная королемъ Яномъ III подлѣ Вѣною, съ автографомъ на оборотѣ королевы Маріи-Казиміры (собств. кн. М. Радзивиллъ), крестъ изъ слоновой кости XVI ст. (его же); старинныя,—мебель (кресла короля Яна Собѣскаго), одежды костюмъ одной изъ фрейлинъ королевскаго двора, въ которомъ она присутствовала при коронаціи Станислава-Августа, слѣдкіе пояса, вѣра и утварь (часы, канделябры, столовые и чайныя сервизы севрскаго, саксонскаго, китайскаго и японскаго фарфора), предметы древняго вооруженія (палаши, пишаки, племы, булавы). Въ заключеніе нельзя не упомянуть о картинахъ—пейзажахъ, вышитыхъ шелкомъ,—изъ галлерей гр. Браницкихъ, составляющихъ нынѣ собственность гг. Старжинскаго и Э. Ковальскаго, и о художественныхъ работахъ (рисунки на деревѣ посредствомъ выжиганія, живопись на атласѣ, фигуры изъ воска) г-жи Божеряновой.

† М. Г. Черняевъ. 4-го августа скоростипжно скончался въ своемъ родовомъ имѣніи Тубышки, Могилевскаго уѣзда, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Покойный родился 22 октября 1828 года. Родители его были небогатые помещики Могилевской губерніи; они дали своему сыну строгое религіозно-нравственное воспитаніе. Двѣнадцати лѣтъ М. Г. Черняевъ былъ опредѣленъ въ Дворянскій полкъ, въ которомъ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ, и 14 августа 1847 года вступилъ на службу прапорщикомъ, въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, но въ скорѣе пожелалъ продолжать свое образованіе въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. По окончаніи курса въ 1853 году, Черняевъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ назначенъ на должность дивизионнаго квартирмейстера 11-й пѣхотной дивизіи. Въ это время онъ принялъ участіе въ Крымской кампаніи въ составѣ Севастопольскаго гарнизона. По окончаніи войны М. Г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи; но онъ искалъ болѣе активной дѣятельности и въ 1857 году былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ въ распоряженіе оренбургскаго генераль-губернатора Катенина, при начальникѣ Степной линіи Данзасѣ, что позволило ему познакомиться съ нынѣшнимъ Туркестанскимъ краемъ еще въ 50-хъ годахъ. Въ 1858 году, онъ командовалъ русскимъ отрядомъ, посланнымъ для поддержки жителей Кунграда, возставшихъ противъ Хивинскаго хана. Въ 1859 году, онъ вернулся въ Петербургъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ назначенъ былъ состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи. Затѣмъ черезъ годъ онъ былъ назначенъ обер-квартирмейстеромъ войскъ Терской области при графѣ Евдокимовѣ. Покойный постоянно находился въ дѣлахъ съ горцами и обстоятельно ознакомился съ приемами веденія партизанской войны. Въ 1862 году, онъ опять вернулся въ Оренбургскій край, гдѣ ему пришлось исполнять должность начальника штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Покойный не сошелся съ генераль-губернаторомъ Безакомъ по вопросу объ управленіи башкирами и возвратился въ Петербургъ. Здѣсь ему было предложено состоять для особыхъ порученій при главномъ управленіи генеральнаго штаба. Не задолго предъ этимъ генераль Н. П. Игнатьевъ, управлявшій тогда азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Англіей, возбудилъ вопросъ о необходимости произвести диверсію къ Индіи. Составленіе проекта было поручено М. Г. Черняеву, но самый проектъ не былъ осуществленъ. Тѣмъ не менѣе пріѣздъ въ Петербургъ оказался для него ксатати. Въ это время другой проектъ о соединеніи Оренбургской и Сибирской стѣнныхъ линій между собою занятіемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ уже утвержденъ. М. Г. Черняеву было поручено командованіе Западно-Сибирскимъ отрядомъ, чему много способствовалъ Н. П. Игнатьевъ, имѣвшій возможность оцѣнить способности молодого полковника. Въ 1864 году, М. Г. Черняевъ отпиривался въ Вѣрное, гдѣ долженъ былъ формировать отрядъ. По экономическимъ расчетамъ было рѣшено предпринять эту экспедицію на остатокъ интендантскихъ суммъ Западно-Сибирскаго округа, что значительно стѣсняло сформированіе и п дѣйствія отряда. Михаилу Григорьевичу Черняеву удалось справиться съ затрудненіями. Принявъ начальство надъ отрядомъ въ концѣ мая 1864 года, онъ въ началѣ іюня взялъ приступомъ первый укрѣпленный городъ Ауліэату безъ потерь, построилъ укрѣпленіе на рѣкѣ Чу, у горнаго прохода, близъ уро-

чица Токмакъ, и затѣмъ принялъ видное участіе въ усмирении возставшихъ коканцевъ, поднявшихъ зеленое знамя пророка и объявившихъ хазавать. Во время борьбы съ коканцами М. Г. Черняевъ, по своему обыкновенію находившійся впереди солдатъ и личнымъ примѣромъ поощрявшій ихъ, занялъ крѣпость Чимкентъ, которая считалась неприступною. Занятіе удалось по водопроводу—деревянному ящику, проходившему въ крѣпость чрезъ сводчатое отверстіе въ стѣнѣ. Онъ бросился по водопроводу къ проходу въ стѣнѣ, за нимъ послѣдовали солдаты. Беззавѣтная отвага увѣнчалась успѣхомъ. Гарнизонъ до такой степени растерялся, что не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Быстро подвигаясь впередъ, Черняевъ подступилъ къ Ташкенту и занялъ этотъ населенный городъ послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ которой проявилъ замѣчательное самоотверженіе и большую распорядительность. Занявъ предварительно крѣпость Ниязбекъ, отведя два главные рукава Чирчика, М. Г. Черняевъ приступилъ къ осадѣ средне-азиатской твердыни. Послѣ отчаяннаго штурма въ ночь на 15 іюня 1865 года русскія войска вступили въ Ташкентъ, цѣля во главѣ своего неизмѣннаго любимца. Далѣе уже безъ всякаго сопротивленія занявъ еще нѣсколько городовъ, Черняевъ съ горестію храбрыхъ воиновъ мѣня чѣмъ въ два года присоединилъ къ Россіи почти весь Туркестанскій край. За свои подвиги предводитель Западно-Сибирскаго отряда былъ произведенъ въ генералъ-майоры, получивъ золотое украшенное брилліантами оружіе и нѣсколько орденовъ, въ томъ числѣ Георгіевскій крестъ 3-й степени. Съ 1865 года по 1866 годъ Черняевъ былъ военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, затѣмъ вышелъ отставку и въ 1874 г. вновь вступилъ на службу въ распоряженіе командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; но здѣсь онъ оставался недолго. Въ 1875 году въ Сербіи вспыхнула война съ турками. Черняевъ, выйдя въ отставку, однимъ изъ первыхъ откликнулся на зовъ страждущихъ единоземниковъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ принялъ на себя командованіе сербскою арміею. Онъ составилъ превосходный планъ кампаніи. Несмотря на скудость средствъ и почти полное отсутствіе организаціи въ сербской арміи, Черняеву удалось удержать натискъ турокъ. Подъ его начальствомъ сербы, плохо вооруженные и недостаточно дисциплинированные, быстро воспитывались въ высокихъ чувствахъ, одушевлявшихъ ихъ вожда, и много разъ одолѣвали турокъ, сильнѣйшихъ численностью, вплоть до 1877 года, когда была объявлена русско-турецкая война. Во время кампаніи Черняевъ находился въ распоряженіи великаго князя Михаила Николаевича, затѣмъ состоялъ въ распоряженіи генеральнаго штаба. Въ 1882 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа. Черняевъ обратилъ особенное вниманіе на утвержденіе твердой власти, законности и уваженія къ личной собственности. Въ Туркестанѣ покойный пробылъ лишь два года, такъ какъ въ февралѣ 1884 г. былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Въ 1886 году онъ вышелъ въ отставку и въ 1890 году вновь поступилъ въ военный совѣтъ. Въ минувшемъ году праздновалось пятидесятилѣтіе службы М. Г. въ офицерскихъ чинахъ, когда, между прочимъ, въ сильной степени выразились симпатіи къ славному боевому русскому

дѣятелю. Кончина Черняева дала новый поводъ къ ихъ горячему проявленію. Въ многочисленныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ нѣсколькихъ храмахъ обихъ столицъ были отслужены торжественныя панихиды, на которыхъ, кромѣ представителей военной и гражданской высшей администраціи и литературы, присутствовали и дипломатическіе представители балканскихъ государствъ, проживающихъ въ Россіи славянъ и учащейся молодежи. Множество вѣнковъ было прислано изъ разныхъ мѣстъ Россіи и славянскихъ земель. Для возложенія вѣнка на могилу усопшаго отправлены были депутаціи: отъ туркестанскихъ войскъ въ составѣ сподвижниковъ покойнаго генералъ-лейтенанта Иванова, отставного генералъ-майора Войцеховича и полковника Шорохова, заслужившаго георгіевскій крестъ подъ начальствомъ генерала Черняева, и отъ чиновъ гражданского вѣдомства въ лицѣ отставного статскаго совѣтника Южакова, состоявшаго правителемъ канцеляріи генерала Черняева въ Туркестанѣ. Многочисленные некрологи, какъ въ славянскихъ, такъ и русскихъ газетахъ, живо свидѣлствуютъ также о томъ, сколь горестно отозвалась во всемъ славянскомъ мірѣ эта прискорбная утрата. «Кромѣ Скобелева, писало «Новое Время» въ послѣднія тридцать лѣтъ не было другого имени, столь родного русскому солдату, столь популярнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ имя Черняева. Какъ полководецъ, какъ государственннй человѣкъ, Скобелевъ, конечно, былъ выше и талантливѣе Черняева, но жизнь ихъ обоихъ озарили двѣ однѣ и тѣ же идеи: о необходимости завоевать Среднюю Азію, чтобы въ русской политикѣ всегда имѣлась, на страхъ Англіи, возможность «диверсіи къ Индіи», и идея славянская. Духъ и того и другого былъ русскій, народный. Тотъ и другой высоко цѣнили свои отношенія къ печати. Черняевъ былъ даже редакторомъ газеты «Русскій Міръ». Блестательная военная карьера Скобелева протекала въ непрерывномъ возрастаніи и повышеніи, Черняеву же суждены были лишь историческіе моменты: взять Ташкентъ, спасти Сербію отъ турецкаго разгрома и вызвать войну за освобожденіе Болгаріи, приступить къ органической работѣ въ томъ же Ташкентѣ уже въ качествѣ генералъ-губернатора. А между этими моментами и послѣ нихъ—сколько лѣтъ бездѣйствія, даже полной отставки... Патриотъ, выдающійся генералъ и администраторъ корпѣлъ безъ дѣла; натура живая, пламенная, умъ выдающійся, полная охота къ дѣлу—и полное бездѣйствіе... За Черняевымъ солдаты пошли бы также или почти такъ же, какъ за Скобелевымъ. Онъ владѣлъ великимъ даромъ — даромъ общенія съ народной душою. И смерть его горестно встрѣчена во всѣхъ славянскихъ странахъ. Славяне заграничные даже лучше цѣнили его историческій подвигъ, чѣмъ цѣнили до сихъ поръ дома, позволяя заглушевывать его завистью мелкихъ людей къ большому человѣку, зубоскальствомъ, надменнымъ непониманіемъ. Мертвому Черняеву уже не за что и не зачѣмъ мстить, и чѣмъ больше будетъ проходить лѣтъ, тѣмъ чище и возвышеннѣе будетъ представляться онъ благодарной народной памяти. Если въ какомъ либо изъ современныхъ русскихъ дѣятелей воплощался въ наши дни скромный образъ былинныхъ русскихъ богатырей, такъ это несомнѣнно въ личности Черняева. Два крупныхъ историческихъ момента связаны неразрывно съ его именемъ: проникновеніе въ сердце Средней Азіи и руководство борьбой сербовъ за независимость. Съ занятіемъ Таш-

кента положено было прочное основаніе не только завоеванію Туркестана, но и движенію навстрѣчу той искони враждебной намъ силѣ, которая и въ настоящую минуту не покидаетъ своей безплодной работы надъ созданіемъ всякихъ затрудненій на пути политическаго и государственнаго развитія Россіи. Геройское руководство борьбой за освобожденіе сербовъ явилось тоже прелюдіей къ коренному повороту въ судьбахъ славянскихъ народовъ и зарей будущаго торжества ихъ въ союзѣ со старшимъ братомъ. И только теперь, когда уже четверть столѣтія отдѣляетъ насъ отъ событій, совершившихся въ обстановкѣ болѣе чѣмъ скромной, отчетливо обрисовываются послѣдствія тѣхъ дѣйствій, въ которыя Черняевъ вложилъ столько личнаго самостоятельнаго почина, что народъ своимъ прирожденнымъ историческимъ чувствомъ, еще при жизни Михаила Григорьевича, сталъ складывать про него былинну». — «Какъ военачальникъ, говоритъ военный обозрѣватель той же газеты, М. Г. Черняевъ былъ рѣшителенъ, очень смѣлъ, находчивъ и храбръ; ясно и остроумно излагалъ свои мысли; отлично понималъ и любилъ солдатъ и самъ былъ ими любимъ; тяготы походной жизни переносилъ легко; былъ привѣтливъ и простъ съ подчиненными. Однимъ словомъ, онъ обладалъ всѣми качествами, отличающими выдающагося военачальника: всѣ его военныя предпріятія отличались быстротою и рискомъ; медленной атакѣ онъ предпочитаетъ штурмъ; въ этомъ отношеніи въ немъ было нѣчто суворовское, и вообще это былъ истинно русскій вождь». «Московскія Вѣдомости» отозвались на смерть Черняева слѣдующими строками: «Кому въ Россіи не было знакомо это имя, подобно имени Скобелева! Съ тѣхъ поръ, какъ 30 лѣтъ назадъ М. Г. Черняевъ съ горстью русскихъ солдатъ разбилъ войска Бухарскаго эмира и взялъ штурмомъ Ташкентъ, онъ явился въ представленіи народномъ лучшимъ представителемъ русской арміи, и довѣріе, которое питали въ народѣ къ его военнымъ способностямъ, лучше всего выразилось въ томъ потокѣ тысячи русскихъ добровольцевъ, устремившихся въ Сербію, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ сербскою арміей. Неравная борьба закончилась на Дюнишскихъ высотахъ пораженіемъ, но что М. Г. Черняевъ съ такою арміей, какъ сербская, могъ въ теченіе шести дней выдерживать бой противъ вдвое сильнѣйшаго противника, показало не только его военныя способности, но и силу нравственнаго вліянія, какое онъ имѣлъ надъ арміей». «Имя М. Г. Черняева, говорится въ той же газетѣ, неразрывно связано со взятіемъ Ташкента, чѣмъ положено прочное основаніе созданію нынѣшняго русскаго Туркестана, и съ борьбою сербовъ за независимость. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ военачальниковъ, которые пользуются широкими народными симпатіями. Смѣлость, рѣшительность, умѣнье быстро приспосабливаться къ обстановкѣ, заботливость о солдатѣ—вотъ тѣ цѣнныя качества, которыми былъ одаренъ М. Г. Черняевъ». Однѣ изъ лучшихъ и обстоятельнѣйшихъ статей о Черняевѣ были помѣщены въ «Свѣтѣ». Между прочимъ, «Свѣтъ» удачно напоминалъ о Гладстонѣ, высокую роль котораго въ балканскомъ вопросѣ европейскія газеты (а также и наши) поставили такъ высоко. Въ сущности отъ заступничества Гладстона, превознесеннаго печатью, балканскимъ христіанамъ не было ни тепло, ни холодно, ни до войны, ни послѣ нея; это нужно помнить, когда рѣчь идетъ

о роли Гладстона въ турецкихъ дѣлахъ. Черняевъ же зажегъ сердца русскихъ людей дѣломъ. «Свѣтъ» справедливо указываетъ, что если «освобожденіе совершилось въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ было намѣчено русскимъ санъ-стефанскимъ договоромъ, это вина Европы и прежде всего соотечественниковъ Гладстона». Недоброжелательству или зависти бывшихъ враговъ «Свѣтъ» даетъ вѣрную оцѣнку: «Говорили, что побѣда надъ средне-азіатскими «халатниками» вещь не важная и нетрудная; но этимъ халатникамъ далъ совѣтъ не такую атестацію Скобелевъ, который имѣлъ возможность основательно извѣдать ихъ боевыя качества. «Говорили, что русскіе добровольцы въ Сербіи прославились только отрицательными качествами, что Черняевъ и его соратники не одерживали блестящихъ побѣдъ надъ турками, только держались противъ нихъ, а это де не особенный подвигъ. Но когда, годъ спустя, русская армія встрѣтилась съ турками подъ Плевной и Шипкой, когда извѣдала ихъ прекрасное англійское вооруженіе, ихъ стойкость, бѣшенныя атаки, тогда можно было себя представить, чего стоило Черняеву почти три мѣсяца держаться противъ перевѣса турецкихъ силъ съ горстью русскихъ добровольцевъ и только что взятыми отъ сохи невоинственными сербами. И этотъ великій подвигъ совершилъ Черняевъ—русскій горой, простой и скромный человѣкъ и христіанинъ, своихъ соратниковъ исполнявшій своимъ духомъ». Князь Мещерскій, отдавая въ «Гражданинѣ» должное памяти Черняева, какъ полководца, «легендарнаго героя» и «гражданина своего отечества», замѣчаетъ, между прочимъ: «Легко понять оттого, какъ грустно и какъ стыдно видѣть, что о смерти Черняева узнала Россія мимоходомъ, и ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не собрались русскіе люди помолиться за упокой души Черняева». «Впржевыя Вѣдомости» дали слѣдующую характеристику Черняева: «Молодежь не помнитъ, говоритъ газета, а зрѣлые люди и старики не забудутъ никогда того удивительнаго всеобщаго одушевленія, которое охватило русское общество, когда оно узнало, что Черняевъ повелъ слабые сербскіе полки противъ мощныхъ турецкихъ полчищъ. Подъемъ былъ необычайный, и не было города, который торжественно не снаряжалъ бы добровольцевъ въ Сербію на подмогу безстрашному Черняеву, завоевателю Средней Азіи, вынужденному, повинувшись неугомонному духу своему, нескать славы подъ чужими знаменами, но во имя русскихъ идеаловъ. Не даромъ вся Россія откликнулась на гулъ дюнишскихъ пушекъ и, наконецъ, возгорѣлась знаменательная русско-турецкая война, положившая начало новой жизни славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ (и, вѣроятно, эта война разрѣшила бы турецкій вопросъ еще нѣсколько иначе, если бы Черняевъ не остался, неожиданно для всѣхъ, не у дѣлъ). Во всякомъ случаѣ, Михаилъ Григорьевичъ принадлежалъ къ тѣмъ богатырямъ русскимъ, которые способны на великія дѣла и совершаютъ ихъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ однимъ взмахомъ, но за то вызываютъ противъ себя неудовольствіе и зависть, оттиравшія ихъ отъ историческихъ задачъ и обрушивающія на нихъ, въ довершеніе всего, градъ клеветъ. Представьте себѣ человѣка съ кипучею душою, съ желѣзною энергіею, имѣющаго за собою рядъ безсмертныхъ заслугъ, оказанныхъ государству, и, тѣмъ не менѣе, вынужденнаго бездѣйствовать вплоть до кончины своей. Психологія Черняева—траги-

ческая психологія». («Московскія Вѣдомости» №№ 215—222; «Новое Время» №№ 8060—8070).

† **А. С. Павловъ**. 16 августа, въ Москвѣ, скончался заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета тайный совѣтникъ Алексѣй Степановичъ Павловъ, три дня не дожившій до сорокалѣтняго юбилея своей учено-литературной дѣятельности, посвященной главнымъ образомъ русскому церковному праву. Покойный, сынъ причетника Томской епархіи, родился въ 1832 году и уже 9 лѣтъ отъ роду, какъ онъ самъ рассказывалъ знакомымъ, отданъ былъ, по бѣдности родителей, казачкомъ въ семью одного изъ декабристовъ. Тамъ онъ приобрѣлъ свои первыя скудныя знанія. Между прочимъ, по его словамъ, въ это время ему какъ-то попался латинскій словарь, и этого словаря, за неимѣніемъ ничего другого, послужилъ ему и книгою для чтенія и долго единственнымъ источникомъ познаній въ латинскомъ языкѣ и словесности. Насколько суровую школу пришлось проходить знаменитому ученому въ началѣ жизни, свидѣтельствуетъ его собственный рассказъ о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ, въ сибирскихъ трущобахъ, онъ былъ завезенъ въ сторону отъ дороги, ограбленъ, брошенъ на снѣгъ въ лѣсу и какъ послѣ его горячихъ молитвъ набрелъ на него громадный сибирскій обозъ, сбитый съ пути въ пустынь. Вскорѣ, однако, судьба ему улыбнулась, и онъ получилъ возможность учиться, воспитывался сначала въ Тобольской семинаріи, а потомъ въ Казанской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1858 году первымъ магистромъ богословія, онъ былъ назначенъ, съ 19 августа того же года, въ Казанскую семинарію преподавателемъ общей и церковной русской исторіи, но скоро, съ 10 января 1859 года, былъ переведенъ въ родную академію бакалавромъ литургіки и каноники. Тогда же, кромѣ чтенія лекцій, ему пришлось начать и свою учено-литературную дѣятельность въ академическомъ журналѣ «Православный Собесѣдникъ», гдѣ были помѣщены слѣдующіе его труды: Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ» (1858 г., ч. II), «Древнія русскія пасхалии» (1860 г., кн. 11) и «Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI вѣкѣ» (1863 г., кн. 3 и 7). Открытіе кафедры церковнаго права въ Казанскомъ университетѣ (по уставу 1863 года) побудило покойнаго оставить академію и съ февраля 1864 года перейти доцентомъ въ названный университетъ, гдѣ скоро онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора (1867 г.) и заграничную командировку. Къ этому времени относились слѣдующія его ученыя работы, напечатанныя въ «Запискахъ Казанскаго университета»: «О кормчей пнока-князя Вассіана Патрикѣва» (1864 г.), «Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву» (1865 г.), «Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія каноническаго права», актовая рѣчь (1866 г.) и отдѣльно: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ» (Казань, 1869 г., 100 стр.),—очень важный трудъ, награжденный Уваровскою преміей. Съ 9 сентября 1869 года, Новороссійскій университетъ избралъ А. С. Павлова ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ церковнаго права, и покойный переѣхалъ въ Одессу. По собственному признанію почившаго, пять лѣтъ пребыванія въ Новороссійскомъ университетѣ составляли лучшую пору его научно-литературной дѣятельности.